

Геополитическая «воронка» Красного моря

3 марта 2018 г., в преддверии своего пятидневного визита в пять африканских стран (Анголу, Зимбабве, Мозамбик, Намибию и Эфиопию), министр иностранных дел России С.В. Лавров дал интервью эфиопской газете “Reporter”, в котором, в том числе, выразил глубокое беспокойство в связи с «наращиванием объемов вооружений» и «присутствием многочисленных военных баз и военно-морских сил иностранных государств» в регионе Африканского Рога.

Действительно, на сегодняшний день именно на Африканском Роге, а, точнее, на африканском побережье Красного моря и Аденского залива, наблюдается самое активное иностранное военное строительство в Африке и, возможно, во всем мире. Помимо традиционного военного присутствия Франции с 2001 г. на территории государств региона появились или находятся в процессе создания военные объекты Италии, Китая, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Саудовской Аравии, США, Турции и Японии.

С.В. Лавров в вышеупомянутом интервью справедливо указал, что главной причиной возрастания иностранного военного присутствия в регионе служат «вызовы в сфере безопасности, включая терроризм, пиратство, трансграничную преступность, наркотрафик». В то же время, на практике борьба с очевидным «злом» оборачивается продвижением собственных военно-политических и экономических интересов, а расширение иностранного военного вмешательства обостряет не только глобальную конкуренцию, но и отношения между соседними африканскими странами, тем самым подрывая интеграционные процессы как на уровне Африканского союза, так и на региональных уровнях, что и объясняет обеспокоенность МИД РФ.

Что же представляет собой иностранное военное присутствие в африканских странах в районах Красного моря и Аденского залива на сегодняшний день?

Французское военное присутствие в Джибути насчитывает около 150 лет. Джибути получила независимость от Франции в 1977 г., но французские войска сохранили право бессрочно оставаться в стране. На трех основных базах – военно-морской, военно-воздушной и армейской – дислоцированы 1450 военнослужащих (2017 г.). На авиабазе на постоянной основе размещены 4 многоцелевых истребителя Дассо «Мираж» 2000 и 4 вертолета различных типов. Франция платит за аренду своих баз €30 млн в год.

Соединенные Штаты обосновались в Джибути лишь в 2001 г. в рамках своей глобальной «Войны против терроризма» (официальное название – Операция «Несокрушимая свобода»). Они заняли заброшенную базу французского иностранного легиона Кэмп-Лемонье. В 2013 г. американцы «одолжили» у французов теперь уже действующий объект – аэродром Шабельи, расположенный 9-ю километрами юго-восточнее Кэмп-Лемонье, который приспособили под базу беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Последние активно используются в конфликтах на территории, простирающейся от Уганды до Йемена. Американский контингент в Джибути насчитывает 4 тыс. человек (из них 3150 военнослужащих) (2017 г.) и находится в подчинении Африканского командования вооруженных сил США (АФРИКОМ) со штаб-квартирой в пригороде немецкого г. Штутгарт. Номенклатура вооружений американской базы столь широка, что нет смысла ее приводить. Аренда американцам обходится в \$63 млн ежегодно (и \$7 млн ежегодно в качестве помощи развитию). В 2014 г. договор об аренде был продлен на 20 лет.

В 2000-е годы к американской «Войне против терроризма» присоединился ряд союзников США, в т.ч. Германия, Испания, Италия и Япония, которые и по сегодняшний день участвуют в ее африканском компоненте – Операции «Несокрушимая свобода» – Африканский рог. Немецкий (до 85 человек) и испанский (до 185 человек) контингенты, как и в начале 2000-х годов, размещены на французских военных объектах и в отелях города Джибути.

В 2011 г. Силы самообороны Японии (JSDF) создали собственную базу (170 военнослужащих на 2017 г.) рядом с Кэмп-Лемонье, чтобы усилить борьбу с пиратством у побережья Сомали. С 2016 г., согласно заявлениям японских официальных лиц, главная задача JSDF – спасение и эвакуация японских граждан в Африке в чрезвычайных ситуациях. Впрочем, появление военной базы Китая в Джибути в 2017 г. вызвало особую реакцию Токио: японцы арендовали дополнительную территорию под расширение базы, которую они теперь рассматривают и в качестве противовеса Пекину. Япония платит Джибути за аренду базы \$30 млн в год.

В 2012 г. примеру Японии последовала Италия, открыв собственную военную базу в 1,5 км южнее американской, хоть и небольшую (до 300 человек), но оснащенную БПЛА. Годовая арендная плата для итальянцев составляет €30 млн.

Близкое соседство военнослужащих вышеперечисленных союзных держав не является экстраординарным явлением, хотя у Италии и Японии на сегодняшний день это единственные военные базы за рубежом, что служит еще одним подтверждением

стратегической значимости региона. А вот строительство Китаем в Джибути первой зарубежной базы – событие примечательное. Первая зарубежная военная база Китая открылась в Джибути (примерно 10-ю километрами западнее основных баз союзников) летом 2017 г. По некоторым оценкам, на объекте можно разместить до 10 тыс. человек (и это при том, что вооруженные силы самого Джибути насчитывают всего 10 450 человек), а интересной особенностью являются обширные подземные помещения, предназначенные для скрытого хранения топлива, боеприпасов и оборудования. По разным источникам, величина арендной платы для Китая составит от \$20 до \$100 млн в год. Договор об аренде рассчитан на 10 лет с возможностью продления еще на 10 лет.

Строительство китайской базы напрямую связано с реализацией проекта «Морского Шелкового пути XXI века», который был одобрен китайским лидером Си Цзиньпином в 2013 г. Можно предположить, что проект подразумевает расширение не только торговли, но и присутствия китайского военно-морского флота в Мировом океане. Неслучайно практически заверченный новый торговый порт – терминал Дорале, которому прочат стать главным транспортным узлом Джибути, находится буквально через дорогу от китайской военной базы: один из 6 портовых причалов отведен под китайские военные корабли. До февраля 2018 г. этим портом управляла дубайская компания DP World (Dubai Port World). Затем правительство Джибути разорвало контракт с DP World и, судя по всему, передаст портовую концессию китайцам, которые уже владеют третью акций терминала. Именно терминалом Дорале заканчивается построенная китайцами в 2011–2017 гг. (и полностью запущенная 1 января 2018 г.) железная дорога Аддис-Абеба–Джибути, которая призвана обслуживать большую часть внешней торговли стомиллионной Эфиопии.

Китай стал пятой, но отнюдь не последней страной, расширившей свое военное присутствие в Джибути. В 2017 г. строительством своей базы в этой стране занялась Саудовская Аравия. Для Саудовской Аравии главной задачей в этой части Африки является укрепление морской блокады йеменских хуситов и ограничение влияния Ирана в регионе. По данным саудовской разведки, Иран использовал Джибути для перевалки грузов, предназначенных для повстанцев в Йемене. В то же время, уже имея множество портов на Красном море, в том числе огромный порт в Джедде, саудовцы не столь заинтересованы в развитии портовой инфраструктуры на африканском побережье.

Хотя Джибути обладает рядом преимуществ, включая политическую стабильность и сравнительно развитую инфраструктуру, что привлекает военных со всего мира, два его ближайших соседа – Эритрея и непризнанный Сомалиленд – также

воспользовались своей географической близостью к «бутылочному горлышку» Баб-эль-Мандебского пролива. ОАЭ, являющиеся близким союзником Саудовской Аравии в противостоянии с Ираном и в войне с йеменскими хуситами, с 2015 г. строят большую военную базу в эритрейском Асэбе в 50 километрах от границы с Джибути. Объект включает аэродром (уже развернуты 9 самолетов Дассо «Мираж» 2000, ударные вертолеты, БПЛА), морские причалы (на стадии строительства) и танковую базу. Военная база ОАЭ может стать одной из крупнейших иностранных военных баз в Африке. По некоторым данным, стоимость 30-летней аренды базы составит \$500 млн.

ОАЭ в 2017 г. приступили к реализации еще одного проекта – создания военно-морской базы и торгового терминала (под управлением DP World) в порту Бербера (Сомалиленд) на побережье Аденского залива. Строительство было почти единогласно одобрено парламентом Сомалиленда в феврале 2017 г. Стратегическая задача ОАЭ – связать Берберу с Эфиопией транспортным коридором, чтобы конкурировать с Китаем на прибыльном эфиопском рынке. До разрыва контракта с Джибути DP World получал с эфиопского транзита ежегодно до \$1 млрд. В рамках договора об аренде, рассчитанного на 25 лет, ОАЭ обязались вложить в инфраструктурные проекты в Сомалиленде (дороги, дамбы, грузовой аэропорт и т.д.) \$1 млрд.

В августе 2017 г. свою первую военную базу в Африке (в Сомали) открыла Турция. Заявленная задача турецкого контингента – обучение и поддержка сомалийской армии в ее противостоянии террористическим группировкам. Стоит добавить, что порт Могадишо в Сомали находится под турецким управлением с 2015 г., с 2011 г. турецкие граждане и компании пожертвовали более \$300 млн на восстановление Сомали, а накопленные турецкие инвестиции в стране на начало 2018 г. составляют около \$100 млн. А уже в конце 2017 г. Турция достигла договоренности с Суданом о строительстве пункта материально-технического обеспечения турецкого флота на красноморском острове Суакин, арендованном Анкарой на 99 лет. Одновременно Анкара объявила о планах инвестировать \$650 млн в суданскую экономику. Поворот Анкары на «юг» связан как с необходимостью поиска новых рынков сбыта турецких товаров, так и с желанием Турции играть более важную роль в рамках «Морского Шелкового пути XXI века», где пока главным европейским партнером Пекина выступает Греция.

В 2017–2018 гг. появилось много новых свидетельств того, что иностранное военное присутствие способствует росту напряженности в регионе: Пентагон в своем недавнем отчете выразил глубокую озабоченность появлением базы вооруженных сил Китая в Джибути, которая «усилит растущее влияние Китая и расширит возможности

его вооруженных сил»; египетские СМИ обвинили Судан, договорившийся с Турцией о строительстве военно-морского объекта на Красном море, в участии в «заговоре, нацеленном против интересов Египта»; совместные действия военных Египта и ОАЭ на эритрейской территории привели к тому, что Хартум официально заявил о возникновении военной угрозы со стороны Асмэры, направил на восточный рубеж дополнительные армейские подразделения и объявил свою границу с Эритреей закрытой; сомалийское федеральное правительство назвало договор ОАЭ и Сомалиленда о строительстве порта и военно-морской базы в Бербере «незаконным и подрывающим суверенитет Сомали», а DP World – «запрещенной на своей территории»; в свою очередь, правительство ОАЭ заявило, что Джибути незаконно лишило DP World портовой концессии, и пообещало предпринять карательные меры (пока в международных судах).

Подводя итог, следует признать, что обострение военно-политической и экономической конкуренции на Красном море и в Аденском заливе приводит к появлению своего рода геополитической «воронки» на этом важнейшем морском торговом пути, засасывающей в «водоворот» все новые державы. Очевидно, что цели иностранного военного присутствия в этом регионе выходят далеко за рамки борьбы с терроризмом и пиратством и грозят дальнейшей дестабилизацией стран Африканского Рога.

Костелянец С.В., к.полит.н.,
с.н.с. Центра изучения стран Северной Африки и Африканского рога
Института Африки РАН